

Наш князь и хан

Автор:

[Михаил Веллер](#)

Наш князь и хан

Михаил Иосифович Веллер

Странник и его страна

Роман из времен Куликовской битвы превращается в цепь нелепостей, а сюжет – в головоломку разведчика, вскрывающего тайны. Русская история была фальсифицирована пиарщиками Средневековья. Сражение с Мамаем и карательный набег Тохтамыша выглядели вовсе не так, как нам внушали веками. И сами мы – не те, кем себя считали...

Михаил Веллер

Наш князь и хан

Всем благородным мечтателям о светлом будущем нашей единой, великой и могучей Родины посвящается.

Союз нерушимый республик свободных

Сплотила навеки Великая Русь.

Да здравствует созданный волей народов

Единый, могучий Советский Союз!

С. В. Михалков, Г.Г. Эль-Регистан. ГИМН СОВЕТСКОГО СОЮЗА

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь - стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь - степной, наш путь —
в тоске безбрежной —
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы - ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль!..

И я с вековой тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою,
Куда мне лететь за тобой!

Александр Блок. НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

Русофобы из Сарая

Школьная страница

Эпиграфы наши из школьного прошлого. И начало истории нашей оттуда. Но течение жизни имеет то свойство, что школьная история – ветвится и перерождается в прошлое странное, бездонное. А оно двоится и отражается в сияющем зеркале будущего – и спит, как прожектор налетающего из тьмы локомотива.

...Есть у каждого народа славные страницы истории, и память о них поддерживает гордость в потомках.

Куликовская битва – ознаменовала. Победили, превозмогли и начали великое возрождение. Все знают.

И рухнуло проклятое татаро-монгольское иго. Освободилась Русь от гадского чужого владычества, и Москва собрала вокруг себя свободные княжества в единое могучее государство. А смертельный удар нанесла татаро-монголам она – Куликовская битва.

(И мальчиками в школе после уроков истории мы мечтали: вот если бы там у русских был пулемет – вот бы он наделал делов атакующей татарской коннице! Задолго до появления компьютерных игр мы представляли, как валятся скошенные смертоносным оружием ряды – как трава под косой. Что в ленте двести пятьдесят патронов, а в тумене десять тысяч конников, и сороковую ленту ты хрен успеешь заправить в раскаленный плюющийся пулемет – таким глупым педантизмом мы, конечно, не грузились.)

А недавно – раз! – сказали, что татаро-монгольского ига не было. И учебники велели снова переписать. А что же было?! Ну., влияние Орды, монгольского государства то есть. Но – стонали? Ну, постанывали. Но – страдали? Конечно страдали, как же у нас без этого. Но все же без ига. Что называется – опомнились шестьсот лет спустя.

Может, татар решили не обижать? Или монголы нам недовольствие высказали?

А Пушкин? Пушкин, наше все! Он же писал, сам писал, мы читали: заслонила Русь собою Европу от татаро-монгольских орд, и в этом наше историческое предназначение и великий подвиг. Европа смогла развиваться и строить цивилизацию, а мы вот пострадали, приняли удар на себя, ну и, конечно, отстали

немного в развитии, ибо в жертву мировой цивилизации себя принесли. И за это ей следует испытывать к нам благодарность; в долгу, то есть, она у нас. В общем примерно так.

Ах, школьники беспечны, юная жажда жизни упоительно терзает их, хрен ли им ваши учебники. Вон даже Пастернак типа кричал перед миллениумом в форточку: милые, какое у нас сейчас тысячелетье идет? А вы пытаетесь детям в головы всунуть бесчисленные катаклизмы – да чтоб знали, в каком веке, да какой эры, да в каком году что еще стряслось. Можно подумать, что директора школ сами не учились на тройки, ага.

И вот сейчас, специально для лодырей и бездельников, некоторые из которых хоть и стали губернаторами и олигархами, а историю родины все равно знать не удосужились – мы вкратце повторим. В очередной раз. Повторение – мать учения, вашу так!

Зачем вам история, дятлы?

Биография человека – это его характеристика: портрет личности в делах и событиях. Кто он, каков он, чего стоит и заслуживает ли уважения, не говоря о любви.

И одна из важнейших сторон характеристики – это к какому народу и какой стране он принадлежит. Какого рода-племени будешь, добрый молодец? Чем славны твои соплеменники, на что способны, как к ним соседи относятся?

То есть. Я – не только умный, сильный, добрый и храбрый. Или слабоватый, глуповатый и ненадежный. Но я – из моего класса, школы, района, города. Из моей роты, полка, моего рода войск. Из моего института и моей науки. Моего народа и моей страны.

Это все – за мной стоит и меня характеризует. Я часть этого всего. И, малая часть, горжусь тем целым, к которому принадлежу. Пушкин и Гагарин, Бородино и Сталинград – это моя страна и мой народ. И через принадлежность к этому целому, через свою родовую, племенную, национальную причастность к величию

и героизму этого целого – я ощущаю смысл своей жизни. Я осознаю себя молекулой общего величия. Не сама собою ценна молекула, ничтожна она сама по себе – но как неотъемлемая часть общего величия несет на себе она отблеск и значение общей славы.

А человеку нужно знать, кто он и каков он. И другим знать нужно, кто он есть, чего может стоить и чего следует ждать от такого парня. Вот каков его народ – из того же теста и он вылеплен.

Называется это: потребность в индивидуальной самоидентификации – и потребность в групповой самоидентификации. (Группа – это любое нами перечисленное: школьный класс, район, школа, город, род войск, институт, страна и т. п.)

Важных для нас следствий здесь два.

Первое: любой человек сколько-то неравнодушен к родной истории. Хочет иметь о ней какое-то представление. (Чем иногда раздражает высокоумных историков, которые полагают, что нечего дилетанту лезть в историю: пускай хавает что они ему написали.)

Второе: любому охота выставить себя перед людьми в лучшем свете. И вообще быть о себе хорошего и высокого мнения. Поэтому история любого народа, написанная им самим, комплиментарна. То есть полна косметической лжи. Неприглядное замалчивается или преуменьшается. Славное преувеличивается или придумывается. Эдакая коллективная автобиография себя, любимых, поданная на конкурс лучших народов мира.

А еще следует из этого, что историй всегда есть две.

Одна – для массового употребления, для народа. Это героическая мифология. Она органически, физиологически и психологически нужна нормальному человеку. Чтоб себя уважать, жить с собой в мире и ставить повыше планку планов и амбиций. Такая история несет функцию психосоциальной гигиены и позитивного идеологического единства.

Другая история – для нонконформистов, пытливого меньшинства охотников за истиной. Она тоже необходима. Чтоб во лжи не погрязли и представления об

истине вовсе не потеряли. То есть: чтобы социальная система сохраняла обратную связь. То есть – чтобы получала правдивую, адекватную информацию извне об окружающей среде и своих контактах с окружающей средой. Без такой адекватной информации о контактах системы с окружающей средой – мышь не сможет найти крупу, кошка не сможет поймать мышь, человек шагает мимо ступени и катится с лестницы, а государство воротит одну ошибку на другую и впадает в нищету и развал.

Историю для массового потребления вы обязаны знать со школы.

Мамаево побоище: урок истории

Вначале дела были грустные. Подвигу всегда предшествует трагедия.

В 1223 году русские (заступились за родственников-половцев и) дали сражение монгольским захватчикам на реке Калке. Это была трагическая история (один князь Мстислав погиб, еще два князя Мстислава бежали), войско было разбито (да еще и меньшими монгольскими силами, насобачились воевать, гады), а потом победители пиروвали на досках, уложив их на пленников (загадку появления досок в степи ученые еще не решили).

А в 1237–1240 гг. монголы взяли русские города, перебили много людей и подчинили Русь своей Орде: началось Иго. Козельск вот прозвали «злым городом» за то, что долго не могли его взять, и в отместку вырезали все население. Монголы жестоко собирали с русских дань, иногда людей уводили в рабство, особенно ремесленников и молодых девушек, а правил ордынский хан. Русские князья ему подчинялись, он мог сместить неугодных и отдать их княжества тем, кому благоволил.

Но русские княжества постепенно поднимались, восстанавливались. И через полтора века оправались и почувствовали свою силу. Но раздробленность, отсутствие национального единства мешали им сбросить татаро-монгольское иго.

И вот в 1380 году золотоордынский хан Мамай решил в очередной раз напасть на Русь, разграбить, увести людей в полон и вообще опустить и перекрыть кислород, чтоб чувствовали, кто главный.

Тогда московский князь Дмитрий стал скликать ополчение со всех русских земель. Испросил благословения святого старца Сергия Радонежского. Тот благословил его и дал двух своих иноков-воинов: Ослябю и Пересвета.

Дмитрий собрал около 150 000 человек – никогда еще Русь не выставляла такого огромного объединенного войска. А у Мамаю было почти 300 000!

Русское войско перешло за Дон. В назначенный день выстроилось в боевой порядок. В засаду поставили полк воеводы Боброка. Перед битвой два богатыря – Пересвет и монгол Челубей – съехались перед строем в поединке, и наш победил.

Дмитрий обменялся доспехами с простым ратником и бился лично меж воинов в первых рядах.

Татаро-монголы напирали, но в решающий миг из засады ударил полк Боброка и решил судьбу сражения. Наголову разбитые захватчики бежали, уцелело меньше четверти их войска.

И хотя русские потери тоже были тяжелы, но войска возвращались с победой. Вот тут, на поле Куликовом, и зародилось впервые русское единство, люди из разных княжеств осознали себя единым народом с единой судьбой. Впереди была великая история объединения и подъема.

А могуществу Орды был нанесен смертельный удар. И хотя через два года другой хан, Тохтамыш, совершил набег на Русь и сжег Москву, ему все равно пришлось уйти восвояси, возврат к прежнему стал невозможен. Власть татаро-монголов все слабела, пока еще через век Русь не стала свободной окончательно.

Первое впечатление

А все-таки мы достойнее и круче всех.

Второе впечатление

Генеалогическое древо исторических подвигов до ужаса напоминает развесистую клюкву.

Сомнения и странности

Непонятность первая. Ни до, ни после сказания о Мамаевом побоище нигде и никогда не упоминаются православные монахи-воины. Вот у Римской церкви были военно-монашеские ордена, да, но это совсем другая история. И – более ни одно сражение русских с монголами нигде и никогда не предварялось поединком богатырей. Интересно.

Непонятность вторая. Мамай на момент сражения и близко не был ханом Золотой Орды. Ханом он вообще никогда не был – не чингизид, не легитимен, прав нет. Бывал зятем хана – да, беклярбеком (типа премьер-министра или управляющего провинцией) – да, бывал узурпатором, регентом, авторитетным полевым командиром. Но – в сентябре 1380 Мамай был злейшим врагом Золотой орды, самозванцем и конкурентом, подлежащим истреблению (ага). А законным ханом был Тохтамыш.

Непонятность третья. Дмитрий был, конечно, герой и в простых доспехах храбро рубился с врагами. Ну – а командовал кто? В рукопашном сражении, где участвуют десятки и сотни тысяч человек, управление боем имеет огромное значение: вовремя обеспечить маневр, движение частей, ввод в дело резервов, согласованность действий – без этого нельзя. Огромная масса бойцов должна действовать скоординированно, как сложный механизм, но не как просто вооруженная толпа. Грамотное и точное командование – залог победы. Так кто рулил-то? Опять же – это единственный подобный пример в мировой истории больших битв: главнокомандующий самоустранился. Типа генерал сказал: воюйте сами, а я пока сменяю погоны на солдатские и пойду в окопе из автомата

постреляю.

Непонятность четвертая. Через два года Тохтамыш сжег Москву. А чего не сразу, пока русские после битвы были усталы, ослаблены, изранены? А зачем вообще жег – какая ему с того вышла выгода? А почему он Москву покарал – а Дмитрия так и оставил великим князем, и еще новый ярлык на великое княжение выдал – это мятежнику-то! Вместо того, чтоб кожу содрать.

Злодей на фоне катастроф

Не было на Мамай Шекспира, так ведь и Гомера не нашлось. Фантастическая была личность, немеренного честолюбия и авантюризма.

Юношей женившись на дочери Бердибека, сына Джанибека, хана Золотой Орды, Мамай начал большую игру. Джанибек умер, и Бердибек подозревался в организации отцеубийства. Так или иначе, на белую кошку воссел новый хан – а его зять шагнул во власть. В двадцать два года Мамай стал вторым человеком в государстве – беклярбеком: должность на тот момент средняя между премьер-министром и первым секретарем администрации. И одновременно – темником, командиром тумена (это и должность, и звание, типа генерала или маршала).

Они в Орде были рискованные ребята, вооружены и очень опасны. И Бердибек с помощью верного (но не кровного!) родственника позаботился, чтобы возможные конкуренты были устранены. Конкуренты – это все прочие батуиды, то есть прямые потомки Бату, Батыя, (сына Джучи и наследника его улуса, выделенного еще Чингиз-ханом). Итого двенадцать близких родственников были убиты; одному из них было восемь месяцев, так его просто ударили головкой об землю.

Хан и его зять наслаждались всеми преимуществами власти два года, пока не грянул очередной переворот и Бердибека отправили в Верхний Мир на разборку к его жертвам.

Началась «Великая замятия», как выразились на Руси. Новый хан, Кульпа, объявил себя тоже сыном Джанибека, то есть братом убитого им Бердибека:

а вот просто раньше он скрывался. Через полгода его убил Навруз – тоже, разумеется, открывшийся сын Джанибека и брат двум вышеупомянутым покойникам. В Гулистане власть взял отдельный хан. И так далее.

Просто мор на ханов напал. Профессия повышенного риска. И каждый пытался, пока не поздно, истребить остальных. А также их эмиров – наместников то есть. Ну – чтоб на ключевых постах стояли свои люди.

За двадцать лет Великой замятии в Орде сменилось двадцать пять (!) ханов. Государство разваливалось на части, и каждый авантюрист покруче норовил объявить себя ханом отдельного улуса.

Мамай был честолюбив и обладал сильным характером и выдающимися административными способностями. Прирожденный лидер, внук влиятельного эмира при великом хане Узбеке, он жаждал власти в сильном государстве.

Сразу после убийства своего тестя и покровителя двадцатичетырехлетний Мамай объявил войну самозваному (но признанному) ордынскому хану – и не прекращал воевать всю оставшуюся жизнь до самой смерти, последовавшей двадцать два года спустя.

Через два года войн и интриг Мамай раскопал некоего Абдуллу, а к нему свидетелей, подтвердивших, что этот юный Абдулла – тоже потомок Бату и является законным ханом. И за десять лет Мамай, законный беклярбек при законном хане, перевоевал с девятью ханами Золотой Орды, быстро переселявшимися Наверх разными маршрутами.

Горе в том, что Абдуллу не хотели признавать конкуренты и вообще все «лучшие люди» Орды. Мамай их всех задоставал своей активностью.

Через десять лет, придя в сильное раздражение от бесперспективности Абдуллы, Мамай был просто вынужден убить его из политических соображений. А что с ним еще делать? Списали на происки врагов, разумеется.

Место освободилось, и ханом теперь был провозглашен Мухаммед-Булак. Потомок Бату, само собой. Где взяли где взяли – нашли. Юный владыка пребывал в прекрасном возрасте – восьми лет от роду. И никак не мог мешать Мамаю править от его имени. Покладистый был ребенок и умненький.

Кому заносить?

Этот вопрос, столь актуальный для русского бизнеса и прожорливой власти на рубеже XXI века, во второй половине века XIV стоял куда острее.

Смотрим.

Монгольская Империя занимала три четверти обитаемых территорий всего материка Евразии. Ее северо-западный «филиал» – Улус Джучи, он же Золотая Орда – покрывал почти весь левый-верхний квадрат, если разделить карту крест-накрест. Это Восточная Русь, Северное Причерноморье, Северный Кавказ, Поволжье и Урал вверх до среднего течения, Западная Сибирь почти до Енисея, северные две трети нынешнего Казахстана и северная половина Туркмении. Огромная страна.

Про монголов необходимо понимать, что они занимаемые страны не оккупировали. Они их аннексировали. Они взаимно ассимилировали с местным населением – в плане культурном, языковом, экономическом. Все местные религии были неприкасаемы. Местные обычаи сохранялись. Но: признай «федеральную» власть, подчиняйся «федеральным» (крайне малочисленным) законам, и – плати налоги. Если прикажут – поставляй требуемое число воинов (в крайне редких случаях). Вся региональная власть своя собственная, но – утверждается в метрополии. Князь? – приезжай и получи лицензию на должность. Ярлык.

Столица – в интересующее нас время – Новый Сарай, Сарай-Берке. Процветающий торговый город располагался на берегу Ахтубы, ближе к нижнему течению Волги.

Так вот – этой самой Золотой Орды к 1380 году скорее не существовало: развалилась на куски.

Ак-Орда – Белая Орда – это, грубо говоря, ее западная половина, куда входила и Русь. А Кок-Орда – Синяя Орда – это восточная половина (правая на карте), от Иртыша до Сыр-Дарьи. С собственным ханом. И в описываемый момент

восточная часть подчинялась западной.

Вы этим особо не заморачивайтесь, потому что ученые историки спорят и точно ничего не знают. Но суть в следующем:

Мамай подмял под себя едва не всю Белую Орду. Но бывал бит и из Сарая изгонялся исправно. Стал все больше на Крым базироваться.

А русские князья уж полтора века собирали в своих уделах налоги и сдавали их хану в Сарай. Лично – или через уполномоченных лиц.

А когда единого общепризнанного хана нет – кому платить? Каждый требует себе. Замучишься платить всем – тебя же потом виноватым выставят. Это очень опасный момент, принципиальный, жизненно важный. И лучше всего – что? Лучше всего не платить никому, а погодить, как оно все обернется. Включать дурака, плакаться на нищету и изворачиваться.

С другой стороны, война стоит денег, и каждый хан (а хоть губернатор или начальник таможни) сурово требует, чтоб платили именно ему.

То есть. Князь должен взвесить, чья крыша надежнее. В чьи силовые услуги надо инвестировать. Если вообще надо.

Этот экономический вопрос – вопрос выживания княжества. Чтоб тебя не разорили поборами – с одной стороны, и не пожгли дотла – с другой стороны. И чтоб обнищавшие людишки, с голодухи забыв страх, не подняли тебя на вилы. И чтоб собственная дружина, освирепев от неуплаты, тебя же в тереме не прирезала. Быть князем трудно. Нужна умная голова, стальные нервы и безмерная наглость.

А правда – она в силе. А сила – она у Мамаю. А сядет крепкий хан в Сарай – не откупишься: не просто второй раз платить придется, но и грех отмаливать, что врагу его уплатил, чем оскорбление нанес.

На этом фоне нынешние политические трудности и экономические просчеты – просто смешны.

Мамай-Москва – мир-дружба

Ханы в Сарай-Берке менялись, как марионетки над ширмой. А в ставке Мамаю, что в низовьях Днепра, год за годом все было стабильно. Лучший и преданный тумен стоял гарантом стабильности: несокрушимая охрана. Торговля, деньги, постройки, войска, дипломатические отношения с Генуей и Литвой.

Мамай контролировал больше половины Золотой Орды, и стало его государство именоваться по-простому типа Мамаева Орда.

Он был серьезен, он давал крышу и он входил в трудности русских князей. Строил с Русью позитивные отношения: богатая же провинция, нужная.

В 1359 году митрополит московский и всея Руси Алексей отправился на переговоры в Литву. Но по причине литовско-московской войны и церковных распрей был приказом великого князя Ольгерда схвачен и заточен. Мамай имел средства убедить Литву важного пленника отпустить. (О митрополите Алексии и его огромной роли в истории Руси мы еще скажем отдельно.)

А три года спустя, когда митрополит Алексей был фактическим правителем Руси при Дмитрие, еще малолетнем, Мамай подписал с ним соглашение об уменьшении дани. Что правильнее называть снижением налогов.

И в том же году Мамай выдает ярлык на великое княжение Владимирское московскому князю Дмитрию. То есть: великое княжество Владимирское (с реальной столицей в Москве), основное и сильнейшее на Руси, как бы главное, официально признает ордынским ханом Абдуллаха. А темник Мамай при нем беклярбек. Еще одно то есть: по соглашению от 1363 года Московская Русь официально и добровольно заявляет, что является частью Мамаевой орды. А мелькающих в Сарай-Берке ханов в гробу видала. А что по Ясе Чингиз-хана, главному Закону Империи, те ханы законные, а Абдуллах – непризнанный и вообще не хан, – это нас никак не касается.

Но умный Алексей пробует на прочность мамаеву власть, как умный пескарь подергивает леску: можно ли сорваться? Войны-то в Орде (Ордах?) не прекращаются, хлопот у Мамаю полон рот, власть пошатывается. И налоги идут Мамаю с задержками и недоимками. А в объяснениях проскальзывает наглость.

В 1370 г. хан Абдуллах оканчивает свои земные труды. И Москва мгновенно заявляет: денег нет, платить не буду. Нет хана – нет проблемы. А кто там следующий – это еще надо разобраться, посоветоваться. Вон из Золотой Орды тоже сигналы поступают от ихнего хана. Так что мы посоветуемся, выслушаем все стороны, а тогда решим.

Выйдя из терпения, в 1370 г. Мамай аннулирует ярлык Дмитрия и передает великое княжение Михаилу Тверскому. А Тверь Москву вообще ненавидит, и есть за что (тоже разговор отдельный).

А Мамай предъявляет мировой общественности нового хана – восьмилетнего Мухаммед-Булака: что значит нет легитимного правителя?! А это вам кто?! Да с вас по жизни бабло причитается, и чтоб на брюхе приползли!

Москвичи спешно собирают всякие хорошие вещи и шлют к Мамаю гонцов с разъяснениями, что их неправильно поняли. И в 1371 г. Дмитрий едет к Мамаю лично, с поклонами подносит дорогие подарки и страшно кается в допущенном недоразумении. Он уверяет в своей преданности великому хану! И его мудрому и могучему беклярбеку, да-да-да. Только очень-очень прошу вернуть ярлык на великое княжение. В интересах общего блага. Потому что Москва лучше сумеет собирать налоги и вообще влиятельнее Твери. Ошибки не повторятся!

И Дмитрий возвращается домой великим князем. И все бы хорошо, да что-то нехорошо...

Великое розмирье

Розмирье – это вражда. Рознь немирная. Миры дотоле согласных соседей разбежались в стороны и стали отдельны, неприязненны, чужды. Но пока без столкновений. Типа поссорились и перестали разговаривать.

В 1374 г. в Новгороде убили ордынского посла и его окружение. За аналогичное преступление полтора века назад Козельск был вырезан под корень. Что Козельск – от Хорезма остался прах и пепел! Яса Чингиза подобное убийство считала тяжелейшим и непрощаемым преступлением. Но могила Чингиза давно

была затоптана конями и заросла степной травой. И монгол пошел уже не тот.

Вырезать и сжечь Новгород сил не было. Сами русские князья виновных никак не наказали – времена карательных походов Александра Невского минули безвозвратно. Повеление выдать преступников осталось без ответа.

Митрополит Алексей осудил преступление и предал анафеме убийц – но и только. Новгородское княжество независимо, в Великое Московское не входит, светские власти бессильны, а церковные что ж еще могут?..

Отношения напряглись; неприязнь меж Русью и Мамаевой Ордой копилась. Мамай не мог оставить своих людей неотомщенными, и обе стороны это знали.

Тогда и началось «великое розмирье» меж Русью и монголами.

Налоги – «дань» – платили неравномерно и по мере ощущаемой необходимости: чтоб не вспыхнула преждевременная война. А войну ждали и к ней готовились.

Непобедимые и легендарные: прощупывание

Непобедимых армий не бывает, заверил летом сорок первого года разгромленный товарищ Сталин, и в данном случае был совершенно прав.

В середине XIII века монголов боялись все, а они – никого. Монголы были непобедимы. Но во второй половине XIV дело обстояло уже иначе. Степной порыв несколько выдохся, а хорошая жизнь расслабляет быстро. Монголов стали бить.

В 1362 г. на Подоле, у реки Синие Воды, а по-простому у Синюхи, Ольгерд, великий князь литовский, русский, жемайтский и прочая, успешно разгромил монгольское войско, возглавляемое тремя нойонами: Кутлуг-беем, Хаджи-беем, а вот третьего нойона звали как-то не по-татарски – Дмитрий. Гм. Нойон – это типа европейского барона или даже графа, знатный воин-землевладелец, аристократ; тот же русский удельный князь. Что же касается Дмитрия, он же Дмитр без всякой приставки «бей» – за полтора века русские и монголы весьма

породнились и ассимилировали в социальной жизни. Короче, вломили и Дмитру. И целиком территория Киевского княжества и Подол вошли в состав западного русского государства.

Годы шли, и Московская Русь также стала пробовать монголов на вшивость. А именно: в 1365 Тагай-бек из улуса Мохши (в Мородовии) разорил рязанские земли и сжег Переяславль-Рязанский. Рязанцы и карачаевцы собрались и нагнали отяжелевших террористов-грабителей на речной переправе. Ну, и покарали, сам бек еле спасся.

А через пару лет Булат-Тимур, эмир Волжской Булгарии, пошел разжиться добром на Нижегородчину, был перехвачен суздальско-нижегородским войском на реке Пьяне, бит, рассеян и изгнан.

То есть что ни год – шла такая борьба за мир, что камня на камне не оставалось. А Русь крепчала и бодрилась!

Кстати – заметьте: в 1373 году Мамай сжег Рязань. И это вполне сошло ему с рук. Рязань вообще еле уворачивалась от полной гибели все это время.

В 1376 г. московское войско вместе с суздальцами и нижегородцами двинулись на Среднюю Волгу, в ту самую Волжскую Булгарию. Вел армию московский воевода Дмитрий Боброк (будущий герой Куликовской битвы и фигура загадочная). В походе пожгли массу сел и перебили массу народа. А была ведь та Волжская Булгария, что принципиально, улусом Орды. На тот момент – под ним, под неукротимым Мамаем.

Булгарский начальник Хасан-хан проиграл битву под стенами столицы, заперся и уплатил отступного – 5000 рублей дани. Это было круто. И обязался платить дань ежегодно. И русские вывезли к себе все орудия. И посадили в городе своего таможенника – со всех идущих товаров взимать Москве пошлину, и вообще контролировать сбор дани.

Заметьте – почему взяли с Булгарии именно 5000 рублей, а не 4500 и не 6000. А потому что именно эту сумму Мамай требовал с Руси в качестве задержанной годовой платы. А денег не было. А тех, что были, было жалко. И русские выступили «с особенным цинизмом» – вынули из кармана одного мамаева улуса то, что Мамай и требовал с них положить ему в другой карман. Крутой юмор

эпохи.

Мамай разъярился. Мало того, что этот «великий князь московский», который униженно кланчил вернуть ему ярлык, не платит налогов сам! Так он еще опустошает другой его улус и смеет обкладывать данью в свою пользу! То есть Москва решительно предъявила свои национальные интересы. И подверглась санкциям.

Следующим летом, 1377, на Русь движется с юга карательная экспедиция Араб-шаха Муззаффара. То ли Мамай его послал, то ли он сам решил болгарский улус под ордынскую руку вернуть, после чего стал ханом в Сарай-Берке – ученые не знают, и мы не узнаем. А только все на той же бранной реке Пьяне новая битва кончилась уже иным образом. Араб-шах разнес русские полки из Владимира, Муром, Ярославля и еще несколько. Двое русских князей, командовавшие войском, погибли. Монголы разорили Нижний Новгород, сожгли Рязань (ну просто проклятье какое-то), головешки остались и от Новосильского княжества.

Заодно нагрянула пограбить и мордва. Была отбита. И земли ее той же зимой русские подвергли страшному опустошению.

А вот в следующем году состоялась победная для русских битва на Воже – притоке Оки. Мамай отправил на Русь корпус из пяти туменов – 50 000 бойцов (их никто уже не пересчитает и огромную цифру не уточнит). Великий князь московский Дмитрий Иванович лично командовал московским войском, к которому присоединились отряды Пронского княжества (один из уделов Рязани) и, возможно, псковичи.

Последовал страшный разгром и почти полное уничтожение захватчиков. Все монгольские командующие во главе с мурзой Бегичем погибли. (Откуда у монгола белорусская фамилия – имя? – Бегич? Не сербская же. И почему один из четырех погибших нойонов-темников именовался Костров? Ну, славянам военная карьера в Орде отнюдь не возбранялось...) Мамай отполз, затаив злобу, как писали в романах.

Да, так это случилось в 1378, а в 1379 москвиты опять отправились на войну. Литва у них зачесалась. С Литвой войны долго шли!.. Хотя подвергшееся очередному освобождению Брянское княжество то входило в Литву, то не входило. Но только уделы его Трубчевск и Стародуб перешли под московскую

длань.

Мы – мирные люди

То есть. Двадцать лет, предшествовавшие Куликовской битве, Русь воевала непрерывно. Иногда удивляешься: когда хлеб сеяли-жали, когда детей растили и хозяйство вели?..

Всех битв и стычек мы здесь перечислить не в состоянии. Это будет толстенная монография «Русские войны середины XIV века». Что ни год, что ни год, да еще не по одному разу!..

Воевали с татаро-монголами и друг с другом. С Мамаем и с его соперниками. С Литвой и с мордвой. Заключали друг с другом союзы, которые тут же распадались и составлялись уже в новых комбинациях. И каждый пытался остаться независимым, и сам подчинить себе кого можно, и найти могущественных союзников, и кинуть их при первом выгодном случае.

Так что ко времени Куликовской битвы народ был идеологически отмотобилизован и к бранному делу привычен. Модус вивенди, так сказать. Образ жизни, то есть. Ратное дело есть такая же естественная часть природы, как времена года, пахота на прокорм семьи и смена поколений.

Битвой больше, битвой меньше. Так и живем.

Мильон терзаний в сумасшедшем доме

Ты собираешься разобраться лишь в одном историческом событии – и вскоре оказывается, что влез в дебри хитросплетений той эпохи, клубок разматывается и сплетается в паутину, твои мозги опутаны безумством связей и дат – и чем дальше в лес, тем наглее и бесчисленней мельтешат в глазах партизаны.

Что можно знать о средневековой истории, если сегодня мы так и не знаем, кто убил Кеннеди? Если советские архивы Второй мировой войны частично засекречены, частично уничтожены, а частично перевираются с особенным цинизмом? Если сто лет подряд каждый лидер страны приказывает лить деготь на предыдущего? Если сегодня (март 2015) Россия яростно отрицает, что злополучный малазийский «Боинг» над Донбассом был сбит российской ракетой? А вооруженные силы России не сражаются там же с украинской армией (ну разве что солдаты взяли отпуск и самовольно поехали провести его в Донбассе и повоевать там)?

Историю пишут победители – это внешнеполитическую историю, когда война кончилась. А вообще историю пишут власти. Ставят задачу историкам – и историки оформляют желаемую власти точку зрения в монографии и диссертации. Чем авторитарнее строй – тем управляемее история.

И журналисты пишут историю – опосредованно. Журналисты создают идеологическую атмосферу в обществе. И историки, надышавшись этой идеологизированной атмосферой, пишут историю. Глаза у них от искреннего патриотического угара встают поперек лба, и вот под таким углом зрения они и рассматривают историю. Особенно родную. Мама не горюй.

То есть. История – это политика, обращенная в прошлое. Пардон за банальность.

Но мы с презрением отвернемся от этой продажной девки всех режимов. И обратимся к историкам честным и непредвзятым. И что же мы имеем? Не понос – так золотуха. Не нравится чума на оба ваших дома? – холера ясная вам в бок.

Что делает честный историк? Он валит факты, как самосвал кирпичи. Контуры постройки в этой груде уловить трудно. Практически невозможно. Факты заваливают и плющат историка, как лавина лягушку. Расплющенная лягушка гордится самоотверженностью своей жертвы. И декларирует, что принципиально чуждается версий и тенденций. Ее интересует истина. Истина – это лишь неоспоримые факты. А причины и мотивы – всегда неоднозначны и спорны.

Беда в том, что заваленный фактами историк, не держась за путеводную нить версии, почему это все стряслось, перестает видеть лес за деревьями. Остаются два принципа изложения фактов: хронологическая последовательность и

конкретные следствия. Сделали то – вышло вот так. Все.

И тогда – и тогда! – насилуемая с особенным цинизмом история в отчаянии расстается со своим смыслом. Потому что историк не в состоянии отделить принципиально важные факты от прочих груд и залежей. И становится верхоглядом: видит только главные поражения, победы и изгибы.

С политической точки зрения все объясняется стремлением к власти и могуществу. Все неудачи объясняются сакральным словом «кризис».

С экономической точки зрения все объясняется стремлением к обогащению.

С психологической точки зрения – есть властолюбие и амбиции вождей и царей.

Все. Перекур. А в шестнадцатый номер – шампанского! Там банкет по случаю присвоения звания «академик».

* * *

Но ты же должен понять, какого хрена ты идешь войной на соседа. Если пограбить – тогда хоть ясно. А если ты – мирный работяга, кормишь семью, умирать тебе неохота – чего прешься в чужой предел? Смерти ты боишься, калекой стать ужасаешься, убивать не любишь, разбогатеть с той войны не считаешься. Чего прешь? Власть приказала?..

А вы думаете, идеологическая работа с массами появилась только в XX веке? Вы не учитываете влияние элиты государства – князя, дружины, бояр, церкви – на «простой народ»? Вы полагаете, агитаторов изобрели большевики? Вы забыли, что мировоззрение верхушки матрицируется на нижние этажи социальной пирамиды?

А стадный инстинкт вы полагаете присущим только быдлу, но высокодуховный народ ему не подвержен? Все ему подвержены, господа хорошие, либералы с консерваторами. И эксплуатируют этот инстинкт рекламщики всех мастей: торговые и политические, от искусства и от истории. Ибо человеку – на уровне инстинкта! – потребно иметь мнение, солидарное с мнением большинства общества, и в действиях своих поступать подобно большинству общества. И ум

инстинкту не помеха.

...У нас в мозгах сидит одна страшная ошибка. Мы полагаем, что предки были глупее нас. Ну, простоватее, наивнее, что ли. Они не знали физики и математики, не имели радио и телефона, автомобилей и самолетов не было – жизнь их была куда примитивней и скуднее нашей. Вечер при лучине, из музыки – гусли и пение с притопами.

Вдобавок – что ужасно! – вредоносный вклад внесли русские исторические романы и особенно фильмы. Там из благих намерений выведены благородные недочеловеки. Они разговаривают выпранным, тяжелым, неестественным, полуцерковным языком. У них нет чувства юмора, они практически не улыбаются, не шутят, а хохочут изредка тяжелым оперным смехом, и чтоб было видно отличные зубы. В их отношениях нет легкости, естественности, простоты – все с выломом, с вывертом, с надрывным историческим пафосом.

Они примитивнее нас. Душевно и умственно проще. Достижений цивилизации лишены, в устройстве мира несведущи. Нет – они умеют любить и ненавидеть, хранить верность и прибегать к коварству, проявлять доблесть и мстить. Но набор их чувств и стремлений краток и прост. Сплошные основные инстинкты. Правда, мощное древо патриотизма затеняет стремления половые, бытовые и стяжательские.

На быт они внимания обращают мало. Чтоб там годами надрываться ради собственного домика, или отказывать себе в лишнем куске, чтоб жене обновку на ярмарке купить, или рыдать семьей, что с князем уж который год не расплатиться – не, мы выше этого. Мы такие былинные патриоты.

Не люди, а помесь Васнецова с Псалтырью. Не портили девок, не вешались от несчастной любви, не крали у соседей, не выслуживались перед князем, не откупали правдами-неправдами сына от армейской рекрутчины, не завидовали богатым и удачливым, не радовались обновке, не хохотали беспричинно в юности, не чернели от горя при смерти близких.

Боже мой, они же были точно такие же, как мы сейчас. Чего-то не знали – зато знали другое; объем информации в мозгу всегда тот же. И так же всего хотели, и так же надеялись, и так же мечтали о справедливости, и хотели счастья детям, себе-то уж ладно.

И у них, наших братьев и друзей, близнецов, сдвинутых временем в собственные предки, были те же представления о родине. И о врагах. И о пользе своего народа. И об общем благе, которое выше личного. И о том, что власть всегда все повернет себе на пользу. И об изменениях, которые необходимы и во внешней политике, и во внутренней. Чтоб не смели чужаки нам со стороны диктовать, как жить – у нас свои традиции и свои ценности, они нам дороги. И чтоб власть меньше под себя гребла, а больше бы о людях заботилась, жить им нормально давала.

И бояре преследовали свою пользу, а церковь – свою, а смерды мечтали о своей, а у князей болела голова, как всех примирить, и в кулаке держать, и казну наполнить, и у татар в милости быть. И ценились, как всегда, хитроумные и понятливые люди, которые могли сообразить и подсказать, как князю укрепить власть и разжиться добром, а чтоб при этом еще подданные ему верили, любили, уважали и гордились. А вдобавок боялись и пикнуть не смели! И на сторону не глядели.

Тяжела княжья шапка. Мономах не один был такой озабоченный.

...И вот когда ты проникнешься отчетливым осознанием, что русские в середине XIV века были точно такие люди, как мы все здесь и сейчас – вот только тогда можно начинать разбираться в истории. Можно уже пытаться.

Потому что многознание фактов уму не научает. И повторить в стотысячный раз трафаретное их толкование может любой дурак.

А история – это: почему же так, черт возьми, произошло? Кому и какая была с того конкретная выгода? Какие были мотивы? Чего надо было людям, которые в этом участвовали? Какова истинная, глубинная, базовая логика и причинность всей катавасии, в которую ты влез?

А для этого сначала надо подготовить поле работы. Это: выложить все принципиальные факты – и прежде всего непонятные, странные, необъяснимые.

Искать корни странных и необъяснимых фактов и рыть вдоль них: откель растет? Чьим соком питается? Где основа корневища, где тело грибницы этих затейливых исторических нитей, которые вылезают наружу столь яркими и дикими грибами? Из тех грибов хлебать похлебку – галлюцинации закружат.

И вот когда картина и карта фактов обнажена – тогда можно начинать разбираться, что все это значит.

...А жизнь на Руси 1360—70 годов была настолько сложна, изменчива, стремительна и противоречива, что с нахрапа фиг поймешь.

А людишки в этой жизни были сложны и противоречивы, как всегда: добрые и жестокие, подозрительные и доверчивые, коварные и наивные, мечтатели и убийцы, грабители и пахари, верноподданные и бунтовщики – и все это в одном лице. И пока ты личика этого не разглядел, выражения глаз прищуренных не разобрал – ничегошеньки ты не понял. Дела перечислил, а страсти и замыслы тайной остались.

Ты, главное, считаешь себя ну всяко чуток умнее их, потому что наперед знаешь все их ошибки и просчеты. Зная все – из умных книг, из мыслей и пересказов других людей – ты невольно воображаешь, что на их месте не совершил бы их ошибок. Тебе же все ясно. И ты поступил бы верно. И добился успеха. А так – тебе явно их умственное несовершенство. И свое умственное превосходство.

Живая собака гордо сравнивает себя с мертвым львом. А ты с живым сравни.

Дурак ты, дяденька, и мысли твои дурацкие. Ты сам-то многого в жизни добился? Достиг высоких высот власти? Шансов не упускал, вокруг пальца тебя не обводили, как лоха не кидали внаглую? Ты твердо знаешь, как добиться в жизни всего желаемого – а ведь о власти и богатстве великого князя не мечтаешь, а? Ты много битв выиграл, интриг сплел, престолов занял? Молчи, вошь ничтожная в складке истории.

А история – это смысл происшедшего, а не его оболочка.

Исторические аналогии

Четырем профессиям можно уподобить работу историка.

Первая – это работа разведчика-аналитика.

Такой разведчик не имеет доступа к ранее не известным секретным архивам и документам. Не осуществляет слежку за объектами наблюдения. Строго говоря, он знает лишь то, что может узнать каждый. Работает с открытыми источниками: газеты, мемуары, речи политиков и экономическая информация. И на основании известных фактов, вычлняя некоторые из множества, он вскрывает систему действий, засекреченную к упоминанию. Ищет взаимосвязи разрозненных событий, ставя вопросы: зачем, почему, с чего бы, для чего это нужно и кому выгодно?

Он складывает разбросанные цветные стеклышки в стройную мозаичную картину. Чертит контурную карту тщательно скрываемого секрета.

Вторая непростая работа – это врач-диагност. Он считает пульс и мерит давление, смотрит язык и стучает по колену, выслушивает дыхание и интересуется температурой. И сообщает, чем человек болен и как лечиться. Заметьте – посмертного эпикриза, этого исчерпывающего аргумента бесспорной достоверности, у диагноста нет. Результатов вскрытия нет. Носитель последней истины – патологоанатом. Но диагност, к счастью, обходится без вскрытия. Знание общей картины болезни позволяет установить истину по нескольким разрозненным, но характерным симптомам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/mihail-veller/nash-knyaz-i-han>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)